

Н.Ю. Лимберис, И.И.Марченко

Античные погребения из курганов в окрестностях Фанагории

На Таманском полуострове, в 4,5-5 км от Фанагории находится большой курганный могильник, который никогда не исследовался археологами и, судя по характеру насыпей, в новое время не подвергался ограблению. Летом 1993 г. Краснодарской археологической экспедицией Кубанского государственного университета было раскопано три кургана (высота 1,8 м, 0,15 м и 0,2 м), в которых исследованы погребения, принадлежащие местному греко-варварскому населению второй половины IV в. до н.э. – I в. н.э.

Самым ранним из исследованных является погребение 13 из кургана 2, совершенное в большой подквадратной яме размерами 3,5×2,65 м, глубиной около 1 м от древней дневной поверхности. Погребение было ограблено в древности, однако сохранившиеся остатки погребального инвентаря позволяют судить о его богатстве. Среди находок выделяются более 20 целых и фрагментированных сетчатых и с пальметкой, чернолаковых и местных, арибаллических лекифов и железный стригель (рис. I, 2, 5–14). Эти предметы дают основание связать данный комплекс с погребением палестрита. На одном из лекифов фанагорийского производства сохранилась пальметта, нарисованная черной краской (рис. I, 5). Совместная находка местных и аттических лекифов одной формы свидетельствует о том, что импортная посуда в греческих погребениях некрополя не запаздывает. Аналогичные чернолаковые сетчатые и с пальметтой лекифы широко распространены в античных памятниках и датируются второй половиной IV в. до н.э. (Брашинский 1980, 124, табл. XIII, 150; Иванов 1962, 116, табл. 50, 132; Капошина 1959, рис. 28; Коровина 1987а, 33, рис. 20; Sparkes, Talcott 1970, 316, pl. 38, 1140, 1141). Аттическая чернолаковая солонка из этого же погребения относится к 350-325 гг. до н.э. (Sparkes, Talcott 1970, fig. 949). На дне солонки имеется граффити (рис. I, 3). Таким образом, погребение может быть датировано второй половиной IV в. до н.э.

В курганах было исследовано 12 склепов (курган 2 – 5, курган 7 – 6, курган 8 – 1), вырубленных в слое бурого железняка или плотной материковой глине. Погребальные камеры, в основном, подквадратной или прямоугольной формы с округленными углами. Входные ямы подтрапециевидные или прямоугольные, иногда, со ступеньками. Половина склепов длинной осью ориентирована по линии восток – запад. Вход в погребальную камеру представлял собой узкий дромос. Входное отверстие чаще оставлялось открытым, хотя были встречены заклады из черепицы, сырцовых кирпичей, камки. Количество погребенных в склепах от 3 до 11. В склепах с большим количеством погребенных скелеты сдвигались при последующих подзахоронениях, поэтому установить положение и ориентировку всех погребенных не представляется возможным. Для всех хронологических периодов отмечено наличие восточной ориентировки. Западная встречена лишь в склепе 20 кургана II – I в. н.э. Для III-II вв. до н.э. наиболее характерна юго-восточная ориентировка. Все погребения вытянутые. В нескольких случаях отмечено наличие тлена органической подстилки. Практически во всех погребальных камерах встречены части соленов, которые иногда находились в головах или в ногах погребенных, ставились у стенки. Не исключено, что некоторые фрагменты черепицы являются остатками разбитых закладов. Среди особенностей погребального обряда следует отметить положение куска каменной плиты под голову погребенного (курган 8, погребение 4). Стены и дно этого склепа были окрашены в черный цвет. В каждом склепе находились медные монеты (1-6 штук, но не обязательно по количеству погребенных) – обряд, связанный с оболком Харона. Сохранность монет, в основном, не позволяет использовать их для датировки погребений.

Кроме склепов, было исследовано 10 погребений в узких прямоугольных или с округленными торцами ямах. Преобладающую ориентировку погребенных в ямах выделить трудно: по два раза встречена западная и южная, по одному – восточная, северная, юго-западная и северо-западная. Погребальный инвентарь, в основном, аналогичен склепам, но уступает им в количественном отношении. Есть некоторые отличия и в погребальном обряде. Так, в склепах западная ориентировка зафиксирована лишь в I в. н.э., а в яме – во второй половине III в. до н.э. (погребение 26, курган 2). В этом же погребении отмечено и скорченное на спине положение погребенной. Черепица использована в погребальном обряде в яме всего один раз, в то время как в склепах, как уже отмечалось выше, эта черта обряда являлась распространенной. Две ямы представляли собой кенотафы.

В полах курганов выявлено 22 детских погребения в амфорах (курган 2 – 2; курган 7 – 11; курган 8 – 9). Кости скелетов сохранились не во всех амфорах из-за небольшой глубины могил. Обычно для захоронения использовали специально обрезанную нижнюю или верхнюю часть амфоры. В ряде амфор погребения были совершены по обряду трупосожжения на стороне. Большинство амфор родосские (15 экз.) – III–II вв. до н.э., две – синопские, остальные – неизвестных центров.

В кургане 7 исследовано два погребения с трупосожжением на месте. Погребальный инвентарь (лекана, красноглиняный канфар, тарелки) позволяют отнести их к III – II вв. до н.э.

В курганах исследовано три подбоя. Два подбоя, судя по немногочисленному инвентарю датируются III–I вв. до н.э., третий – безинвентарный.

Практически все погребения, за исключением трех, относятся к одной хронологической группе III–II вв. до н.э. Основной категорией погребального инвентаря этой хронологической группы, как в склепах, так и в ямах, является керамика местного фанагорийского производства. В основном, это пелики, леканы, тарелки (рис. X, 8, 9) и амфориски (рис. VII, 1, 3, 5, 6, 7, 10, 12). Миски и кувшины (рис. XI, 1–7) реже использовались в погребальном обряде. Сосуды изготовлены из местной глины красного, кирпично-красного или коричневого цвета, иногда покрыты светло-желтым ангобом. Редко встречаются сероглиняные и серокоричневые пелики и амфориски. В тесте примесь мелкого песка с блестками слюды и толченого известняка. Большинство сосудов, очевидно, изготавливалось специально для погребений, так как качество обжига плохое, черепок непрочный, слоистый. Импортные сосуды встречены в трех склепах. В склепе 6 кургана 7 найден родосский лагинос, расписанный по тулову гирляндами и музыкальными инструментами, нанесенными бурым лаком (рис. VIII, 1, 2), который датируется второй половиной II в. до н.э. (Smettana-Scherrer 1982, 84, taf. 51, 667, 668). Также родосским является и кувшин, покрытый в верхней части бурым лаком, из склепа 1 того же кургана (рис. VIII, 3). К импортам следует отнести и лагинос из склепа 25 кургана 2 (рис. VIII, 4).

Пелики были разделены нами на три типа (учтено 13 экз., некоторые сосуды плохой сохранности и не поддаются классификации). Пелики типа I (7 экз.) имеют овальное тулово с покатыми плечиками, плавно переходящее в горло, расширяющееся раструбом. Венчик профилированный, нависает наружу. Ручки поставлены вертикально. Сосуды этого типа делятся на три варианта:

I–А (2 экз. из склепа 4 кургана 8) – тулово вытянутое овальное, горло высокое, ручки согнуты в верхней части под острым углом (рис. II, 1);

I–Б (2 экз. из склепа 4 кургана 8, 1 экз. из склепа 25 кургана 2) – тулово пропорциональное овальное, горло высокое, ручки круто изогнуты в верхней части (рис. II, 3);

I–B (2 экз. из склепов 6 и 10 кургана 7) – тулово вытянутое овальное, горло короткое, ручки плавно изогнуты в верхней части (рис. II, 4).

Все сосуды этого типа раскрашены, но не на всех читается рисунок. На трех пеликах из склепа 4 кургана 8 полностью сохранилась роспись, нанесенная черной и красной краской. На двух пеликах на одной стороне тулова – изображение усатого насекомого с раздвоенным хвостом, закрученным в волюты (рис. II, 1), другая сторона тулова полностью окрашена в черный цвет, на горле – красный прямоугольник, орнамент в виде “сеточки” (рис. II, 3) или окружностей с точкой внутри (рис. II, 2). На горле пелики из склепа 25 кургана – орнамент из “ов”.

Пелики, аналогичные типу I–A, из фанагорийского некрополя А.К.Коровина датирует концом III в. до н.э., отмечая при этом, что они сохраняют стройность формы, присущей пеликам IV в. до н.э. (Коровина 1974б, 88). О том, что данный тип пелик датируется более ранним временем, свидетельствует их совместная находка в склепе 4 кургана 8 с пантикапейской монетой 300–250 гг. до н.э. (Зограф 1951, 245, табл. XLI, 4). Из этого же погребения происходит и пелика типа I–B, что свидетельствует о их синхронности и позволяет нам датировать типы I–A и I–B первой половиной III в. до н.э. Этой дате не противоречит и хронология унгвентариев III–го типа, найденных вместе с пеликами этих типов и в других погребениях (по Парович-Пешикан 1974, 110; тип IV по Forti 1963, 11). Верхняя дата пелик типа I–B может быть определена серединой II в. до н.э. по совместной находке с лагиносом (рис. VIII, 4) и унгвентарием V–го типа в склепе 25 кургана 2.

Пелики II–го типа (5 экз.) имеют овальное тулово, короткое горло, расширяющееся к устью, нависающий профилированный венчик, округленные ручки. Выделено два варианта по форме тулова:

II–A (3 экз. из склепа 18 кургана 2) – тулово удлиненное, плечики покатые (рис. III, 1, 2);

II–B (1 экз. из склепа 4 кургана 8 и 1 экз. из склепа 9 кургана 2) – тулово пропорциональное, плечики хорошо выражены (рис. III, 3).

Эти сосуды также были раскрашены. Хорошо сохранилась роспись черной и красной красками на двух сосудах из склепа 18 в виде широких вертикальных и горизонтальных полос по одной стороне тулова (рис. III, 1, 2).

Пелики типа II–A найдены вместе с унгвентариями III–го типа, покрытых полосами бурого лака, и IV–го типа, которые позволяют датировать их второй половиной III в. до н.э. Самая ранняя пелика типа II–B найдена в склепе 9 кургана 2 с пантикапейской монетой 300–250 гг. до н.э. (Зограф 1951, 245, табл. XLI, 7) и терракотовой статуэткой первой половины III в. до н.э. (см. ниже). Вероятно, этот комплекс следует датировать, как и время появления пелик II–го типа, серединой третьего столетия. Верхняя хронологическая граница этого типа определяется в пределах первой половины II в. до н.э. на основании датировки унгвентариев III–го и IV–го типов (Парович-Пешикан 1974, 110; Марченко 1996, 41–42), встреченных в склепах вместе с пеликами, и аналогий из погребений № 195, 240а фанагорийского некрополя (Коровина 1987б, 88, рис. 16).

К III–му типу относится одна пелика (склеп 10, курган 7). Тулово бочковидное укороченное, плечики хорошо выражены, переход к горлу четкий. Горло короткое широкое, расширяющееся к устью. Венчик слабопрофилированный. Ручки плавно изогнуты. Пелика не раскрашена (рис. III, 4).

А.К.Коровина датирует пелики, аналогичные III–му типу, II в. до н.э. (Коровина 1987б, 110, рис. 16). Пелика этого типа происходит из склепа 10 кургана 7, в котором найден унгвентарий V–го типа по М.Парович-Пешикан, датирующийся второй половиной II –

первой половиной I в. до н.э. (Марченко 1996, 42). Поэтому данную пелику можно датировать второй половиной II в. до н.э.

Пелики, как правило, встречаются в паре с леканами. Форма почти всех сосудов одинаковая – стенки округлены, бортик не выделен, край загнут внутрь, имеется выступ или желобок для крышки (рис. IV). У леканы из склепа 4 кургана 8 – высокий отклоненный наружу бортик (рис. IV, 4). Выделяются сосуды с горизонтально расположенными (4 экз., рис. IV, 5) и приподнятыми ручками (12 экз., рис. IV, 1–3). Лекана из склепа 6 кургана 7 имеет только одну ручку (рис. III, 5). Многие сосуды разрисованы горизонтальными или вертикальными полосами, “овами”, волнистой линией, кругами, нанесенными черной краской (рис. IV, 1–4). Крышки лекан, в основном, также окрашены в черный цвет. Выделить узкие хронологические группы этой категории керамики не удалось.

Среди многочисленного погребального инвентаря особый интерес представляют терракотовые статуэтки. В склепе 9 кургана 2 найдена статуэтка, изготовленная из местной коричневой фанагорийской глины (рис. V). Полая фронтальная статуэтка изображает пожилую женщину с одутловатыми чертами лица, голова немного развернута влево. Волосы разделены пробором и убраны в плоский пучок (пряди отчерчены стекой). Правая рука согнута в локте, кисть спрятана в складках гиматия, левая рука опущена и придерживает край одеяния. На одежде сохранились следы росписи черной краской. По иконографии и стилю статуэтка относится к танагрской группе, к четвертому (заключительному) этапу производства танагрских короoplastов, который датируется 330–200 гг. до н.э. (Higgins 1962, 588). Данная статуэтка относится к типу “малой геркуланянки”, аналогии ей происходят из зольника Мирмекия конца IV – первой половины III в. до н.э. (Денисова 1981, 40–41, табл. X, ж). Ограничить дату статуэтки первой половиной III в. до н.э. позволяет пантикапейская монета 300–250 гг. до н.э. (Зограф 1951, 245, табл. XLI, 4), найденная в этом склепе.

Вторая статуэтка (курган 2, погребение 25) – сидящая девушка, играющая на тригононе. Голова развернута вправо, волосы уложены “венчиком”, на затылке высокий плоский пучок. На полных губах – “смутная” улыбка. В правом ухе – круглая серьга. Одевание – хитон в частых складках. Из под края хитона выступают ступни. Складки хитона проработаны стекой. Хитон раскрашен черной краской, тригонон – красной. Основание статуэтки оформлено в виде постамента (рис. VI). Статуэтка полая, рассчитана на фронтальный обзор, сзади, как и первая, имеет прямоугольное отверстие. Глина светло-коричневая, фанагорийская. Аналогичная статуэтка происходит из курганного погребения вблизи Кеп, которое датируется серединой – второй половиной II в. до н.э. (Усачева 1983, 79–80, рис. 2, 7). По форме тригонона и постановке руки ей близка терракота эллинистического времени из Пантикапея с изображением полуобнаженной играющей Афродиты (Финогенова 1992, 239–240, рис. 7). Статуэтка была найдена среди сдвинутых костей с керамикой II в. до н.э. Последнее погребение в склепе по встречаемости лагиноса (Alexandrescu 1966, 196, pl. 98, XXXVII, 23) и унгвентариев V-го типа можно датировать серединой II в. до н.э. Поэтому наиболее вероятной датой статуэтки можно считать первую половину II в. до н.э.

В склепе 6 кургана 7 найден фрагмент терракотовой статуэтки стоящей лошади (рис. VIII, 5). Сохранилась задняя часть, на спине лошади видна попона. Глина, из которой сделана статуэтка, кирпично-красная с примесью песка. Самые ранние на Боспоре терракотовые статуэтки всадников статичного типа (конь стоит или мерно ступает) относятся к III в. до н.э. (Крыкин 1987, 57–58). По сохранившемуся фрагменту трудно найти точную аналогию. Поэтому дата может быть определена на основании хронологии погребального комплекса. В склепе выделяются два хронологических периода: 1-й – вторая половина III – первая половина II в. до н.э. (по пелике II-го типа и унгвентарию IV-го типа);

2-й – вторая половина II в. до н.э. (по расписному родосскому лагиносу [рис.VIII, 1, 2] и унгентарию V-го типа). Фрагмент терракотовой статуэтки был найден в заполнении склепа, поэтому она может датироваться и первым, и вторым периодами, т.е. второй четвертью III – II в. до н.э.

Распространение статуэток всадников на Боспоре связано с проникновением культа конного божества с Родоса, с которым в этот период Боспор поддерживал тесные торгово-экономические связи. На Родосе ещё в архаическую эпоху терракотовые статуэтки всадников символизировали этот культ (Крыкин 1987, 59). На Боспоре в раннеэллинистическую эпоху, в связи с кризисом эллинской идеологии и “варваризации” населения, культ конного бога получил широкое распространение (Пругло 1977, 181-182) и, слившись с местным иранским культом, приобрел синкретический характер (Крыкин 1987, 59).

Почти во всех погребениях встречены украшения. Самую многочисленную группу составляют богатые наборы стеклянных бус, среди которых встречены и новые типы, не зафиксированные в сводах А.М.Алексеевой. Во многих погребениях были найдены бронзовые серьги из гладкой или витой проволоки, браслеты, массивные бронзовые и железные перстни. Из ограбленного склепа 8 кургана 7 происходит золотая сережка с полой насадкой в виде головки льва (рис. VII, 8, 8a), которая датируется III в. до н.э. (Шавырина 1983, 79, рис. 1).

В погребении 26 кургана 2 (прямоугольная яма) на пальце левой руки женщины был найден бронзовый литой перстень с массивным овальным щитком, переходящим в широкую шинку. На щитке рельефное изображение женской головы в профиль влево с прической типа “Melonenfrisur” – локоны собраны сзади в тугий пучок, а спереди украшены диадемой, ленты которой спадают с пучка (рис. VII, 9).

Этот перстень относится к перстням “птолемеевского типа”, и, судя по аналогиям, на щитке изображена жена Птолемея II Арсиноя II (Seltman 1955, fig. LVIII). Вместе с перстнем в погребении был найден красноглиняный фанагорийский унгентарий типа VI (рис. VII, 10), который датируется первой половиной III в. до н.э. (Парович-Пешикан 1974, 111). А, так как перстень не мог быть изготовлен раньше 277 г. до н.э. (год замужества Арсинои II), то время попадания перстня в могилу определяется с достаточной долей вероятности – вторая четверть III в. до н.э. Аналогичный перстень происходит из погребения № 249 фанагорийского некрополя, которое А.К.Коровина датирует III–II вв. до н.э. (Коровина 1987, 143, рис. 4, 1). Датировка перстня, предложенная А.К.Коровиной, очень широкая, так как перстень не мог оказаться на Боспоре раньше конца 1-ой четверти III в. до н.э., и, судя по его сохранности, вряд ли мог использоваться во II в. до н.э. Поэтому его дату можно ограничить второй – четвертой четвертями III в. до н.э.

Широкое распространение перстней “птолемеевского типа” на Боспоре часто служит доказательством тесных торговых, политических и религиозных связей с Египтом. О.Я.Неверов, изучая перстни “птолемеевского типа”, в том числе и с изображением Арсинои II, из коллекции Государственного Эрмитажа, обосновал гипотезу о связи этого типа перстней с торговцами-мореплавателями, перенявшими птолемеевские культы, имеющие прямое отношение к их профессии (Неверов 1976, 173-174). По мнению М.Ю.Трейстера, появление на Боспоре перстней “птолемеевского типа” не может являться свидетельством распространения культа Птолемея в некоторых слоях боспорского общества, а доказывает тесные политические контакты между двумя государствами в III в. до н.э. (Трейстер 1985, 139). Однако, находки перстней в относительно бедном погребении № 26 (в состав погребального инвентаря входили еще железный перстень, унгентарий, лекана и кувшин) и не отличающемся богатством инвентаря погребении № 249 фанагорийского некрополя

(Коровина 1987б, 104), ставит под сомнение предположение М.Ю.Трейстера о том, что эти перстни в целях политической пропаганды дарились египетскими послами за пределами Египта (Трейстер 1985, 137). Сейчас не вызывает сомнения и то, что находки на Боспоре перстней этого типа не могут служить доказательством торговых связей, так как в Ольвии, где предметов египетского импорта значительно больше, чем на Боспоре (Шургая 1965, 140), найден всего один такой перстень (Трейстер 1985, 131; Молев 1994, 100).

Е.А.Молев, на наш взгляд, довольно убедительно доказал, что распространение перстней “птолемеевского типа” на Боспоре не может рассматриваться как следствие развитых дипломатических отношений двух государств или большого количества наемников-боспорян, служивших в Египте и принесших на родину перстни этого типа, так как в самом Египте таких перстней значительно меньше, чем на Боспоре (Молев 1994, 100). Поддерживая гипотезу О.Я.Неверова о связи перстней “птолемеевского типа” с распространением птолемеевских культов среди боспорян, Е.А.Молев обратил внимание на то, что почти все они найдены в погребениях, причем как в мужских, так и женских и детских, что, по его мнению, свидетельствует о связи этих вещей с семейными культами. А, исходя из политической ситуации, частная инициатива купцов, почитающих египетские культы, была благосклонно встречена правителями Боспора (Молев 1994, 101).

К поздней группе I–II вв. н.э. относятся два погребения. В склепе 20 кургана 2 было совершено как минимум 8 захоронений, из которых 3 скелета лежали *in situ*, остальные сдвинуты. Причем, часть костей и погребальный инвентарь более ранних погребений были вынесены из склепа. Из погребального инвентаря III–II вв. до н.э. среди сдвинутых костей, сохранился лишь фрагмент бронзового литого зеркала и ручки в виде птицы. Ряд предметов позволяют установить узкую дату последних трех захоронений в склепе. Так, краснолаковые тарелки (рис. IX, 2, 4–6) находят ближайšie аналогии среди лаковой керамики середины I в. н.э., как в Пергаме (Meyer-Schlichtmann 1988, taf. 45, 31c, e), так и в Северном Причерноморье (Книпович 1952, 298, рис. 2, 4; Корпусова 1983, 42, табл. XXIX). Узкогорлый краснолаковый кувшин с орнаментом, нанесенным белой краской (рис. IX, 3), имеет близкие аналогии среди керамики начала I в. н.э. некрополя Золотое (Корпусова 1983, 101, табл. XIX, 2).

Из этого склепа происходят два сероглиняных светильника эллинистического типа (рис. X, 1, 2), аналогичные светильнику из некрополя Пантикапея (могила 64, 1905 г.), датирующиеся третьей четвертью – концом I в. н.э. (Кунина, Сорокина 1972, 156, рис. 5, 45). К этому же времени относятся стеклянные бальзамарии типа I, 1, Б и стакан (рис. X, 3, 4) (Кунина, Сорокина 1972, 154, 160, рис. 6, 54). Приведенные аналогии позволяют датировать склеп третьей четвертью – концом I в. н.э., чему не противоречит и хронология двух смычковых фибул, найденных на скелетах, так как время их появления относится к середине этого столетия (Амброз 1966, 47).

Погребение 22 из кургана 2 было совершено в прямоугольной яме, над которой было поставлено антропоморфное каменное надгробие. В погребении были найдены два стеклянных бальзамария (рис. X, 5, 6), типа I, 2, Г, которые датируются 60-ми гг. I – первой половиной II в. н.э. (Кунина, Сорокина 1972, 161).

Погребальный обряд в целом характерен для эллинского населения городов Азиатского Боспора, и прослеживается в некрополях Фанагории, Кеп, Тирамбы и др. (Коровина 1987б, 78). Одновременно, анализ погребального обряда позволяет выявить и наличие варварских элементов в раскопанном некрополе: западная ориентировка, положение кистей рук на тазе, широкое использование угля и органических подстилок, положение под голову каменной плитки. Последний элемент обряда обычно связывают с проникновением в греческие города меотского населения, для которого использование каменных плит в захоронениях было

характерно с IV в. до н.э. Меотским элементом погребального обряда считается и положение в могилы некрополей древнегреческих городов Тамани обломков черепиц. Правда, А.К.Коровина видит в этом обряде пережиточное явление, связанное с положением в меотские могилы VI–V вв. до н.э. плоской гальки (Коровина. 1978б. С. 78). На наш взгляд, более правильным будет связать появление в погребениях античных некрополей обломков черепиц с трансформацией меотского обряда использования каменных плит. Тем более, что и в меотских погребениях IV в. до н.э. Прикубанья зафиксированы случаи использования античных соленов вместо каменных плит (могильники Старокорсунского городища № 2 и городища № 3 хут. Ленина).

С сарматским влиянием связано распространение подбоев, западной ориентировки, использование угля, расшивка рукавов одежды мелкими бусами, положение кистей рук на тазе. В русле этой проблемы особый интерес представляет погребение женщины (склеп 25, курган 2) с лепной сарматской (по рецептуре глины) мисочкой (рис. XI, 10) и расшивкой бусами рукавов одежды.

Исследованные курганы находились на окраине большого курганного некрополя, не отмеченного на археологической карте Тамани. Несмотря на его удаленность от Фанагории, мы считаем, что данный могильник является частью фанагорийского некрополя, так как рядом не обнаружено других больших поселений этого времени.